

шая ступень эволюции материи — социальная материя» (Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1980, т. 79, № 11, с. 5—22). Гипотеза третьего скачка в эволюции человека, отстаиваемая авторами, была подвергнута критике.

В день закрытия конференции был проведен симпозиум «Состояние и перспективы развития антропологии», на котором Ф. В. Судзиловский (Ленинград) подробно характеризовал вклад П. Ф. Лесгафта в развитие антропологии.

Одним из наиболее интересных и ярких было выступление А. И. Сыкало (Минск) «Реконструктивная антропология — фантастика или реальность?», в котором автор очень логично, с привлечением большого количества наглядных примеров пытался показать, что современная антропология приближается к тому рубежу, когда она не будет ограничиваться описанием и анализом современного человека, но ее достижения могут быть использованы в практических целях — для изменения отдельных элементов генетической структуры человека. Таким образом, речь идет о вмешательстве на генном уровне, причем исследования в этом русле, по словам автора, ведутся уже сейчас.

На заключительном заседании выступил М. И. Урысон (Москва), обрисовавший специфику антропологии как единой и целостной науки, изложивший традиционную для советской науки точку зрения на предмет, методы, границы антропологии, разделы, выделяемые внутри ее (морфология, антропогенез, расоведение).

На закрытии конференции председатели секций доложили об их работе. Было выражено удовлетворение широтой тематики и ценностью представленных материалов. Труды конференции будут опубликованы отдельным изданием. На III конференции секции антропологии ВНОАГЭ в 1983 г. в Новосибирске основное внимание будет уделено вопросам возрастной антропологии.

Н. А. Дубова, Н. А. Долинова, Л. Т. Яблонский

КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТОВСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Каждые два года этнографы Института истории АН Литовской ССР (далее ИИ) собираются на свою итоговую конференцию¹. Очередная конференция состоялась 22 декабря 1981 г. в Вильнюсе. Кроме сотрудников ИИ, в ее работе принимали участие преподаватели и студенты вузов, краеведы республики. Впервые в практике подобных конференций проходили не только пленарные, но и секционные заседания, что позволило расширить тематику докладов и дало возможность выступить этнографам, работающим в других научных учреждениях и музеях республики.

На пленарном заседании с обзорным докладом выступил Зав. отделом этнографии ИИ В. Моркунас, осветивший деятельность этнографов в десятой пятилетке. Основу научной деятельности отдела за этот период, сказал докладчик, составило изучение традиционной материальной культуры литовцев и современной культуры городского и сельского населения республики. Примечательно, что этнографы республики стали уделять больше внимания изучению городского населения, в частности, промышленных рабочих, применяя методы конкретной социологии. Вместе с тем, не угасает интерес к проблемам традиционно-бытовой культуры, исследование которых в условиях индустриализации и урбанизации республики приобретает исключительную актуальность и значимость. Много внимания в докладе В. Моркунаса было уделено задачам этнографов республики в свете решений XXVI съезда КПСС, причем акцентировалась важность изучения современных этнических процессов, особенно в городской среде.

На секции материальной культуры заслушано восемь докладов, касавшихся различных аспектов традиционно-бытовой культуры литовцев. В. Балтрушайтис (Музей народного быта ЛитССР) охарактеризовал интерьер жилого дома в Рокишском районе в конце XIX — первой половине XX в., уделив особое внимание основным элементам внутреннего устройства (полам, потолкам, стенам, обстановке).

В докладе Е. Моркунаса (Музей народного быта ЛитССР) «Конструкция крыльев ветряных мельниц в Литве в конце XIX — первой половине XX в.» на основе анализа 256 мельниц, архивных данных, графических и фотоматериалов проведена типологизация крыльев ветряных мельниц, разъяснена конструкция каждого типа, определены ареалы их распространения.

¹ Итоги исследовательской работы этнографов опубликованы в кн.: Etnografiniai tyrimėjimai Lietuvoje 1979 ir 1980 metais. Vilnius, 1981, 125 p.

С. Даунис (Ин-т консервации памятников культуры ЛитССР) рассмотрел типы бань в Литве во второй половине XVI в. Используя инвентари литовских имений и другие исторические источники, он выделил три типа бань по их планировке. Докладчик рассмотрел интерьер каждого типа, разъяснил его гигиеническо-производственную функцию и определил область распространения.

Способам переработки и консервирования продуктов животноводства был посвящен доклад Р. Мяркене (ИИ) «Первичная обработка и хранение продуктов животноводства в Литве в XVI — первой половине XVIII в.». Изучив архивные данные, она смогла охарактеризовать наиболее употребляемые продукты и показать способы их изготовления в дворянских и крестьянских хозяйствах. Докладчица высказала мнение, что способы переработки молока и мяса зависели от направленности хозяйства и размеров производства.

В докладе «Орудия пчеловодства в Дзукии в конце XIX—XX в.» Л. Казлаускаене (ИИ), опираясь на материалы полевого исследования, выделила основные группы орудий пчеловодства, отметив, что важное значение для их развития имело изменение типов ульев и внедрение новых научных методов в пчеловодство.

В докладе А. Стравинскаса (Научная библиотека Вильнюс. гос. ун-та) были отмечены некоторые особенности кузнечного дела в городах и местечках Жемайтии. Докладчик остановился на способах реализации кузнечных изделий, выделил торговые центры, обратив внимание на старые и глубокие традиции торговли в этом регионе.

Комплексу упряжи — хомуту с постромками, особенностям его развития, способам упряжки и их распространению в Литве в период капитализма, был посвящен доклад Я. Ланяускайте-Моркунене (ИИ) «Распространение упряжки хомутом с постромками в Литве в конце XIX — первой половине XX в.».

В докладе В. Милюса (ИИ) на основе анализа 23 кладбищ деревень и местечек Рокишского района освещались вопросы создания и озеленения кладбищ, уход за могилами; давалась также классификация надгробных памятников.

Почти половина докладов на секции духовной культуры была посвящена современной свадьбе. Тема эта исключительно актуальна не только в научном, но и в практическом отношении, поэтому она вызвала оживленный обмен мнениями.

И. Чепене (Мин-во высшего и среднего специального образования ЛитССР) в докладе «Особенности развития свадебных обычаев в социалистическом обществе» основное внимание сосредоточила на реальном использовании народных обычаев в современном свадебном ритуале, составляющем важный компонент системы традиций социалистического общества.

О новых явлениях в современной свадьбе говорилось в докладе А. Вишняускайте (ИИ) «Свадебные газеты: форма и содержание». Распространяющиеся в различной социальной и национальной среде юмористические свадебные газеты и по содержанию, и по форме расцениваются докладчицей как своеобразный элемент современного фольклора, требующий изучения и критического осмысления.

К этим докладам тематически примыкал доклад А. Даниляускаса (ИИ) «Этнические ориентации в свадебных обычаях литовского городского населения Литовской ССР», построенный на материалах этносоциологического исследования. Докладчик попытался выявить связь современных свадебных обычаев с традиционными и определить их место в системе современной свадебной обрядности. Был также поднят вопрос об изменении продолжительности свадьбы в различных социальных средах современного города.

Доклад П. Кальнюса (ИИ) «Национально-смешанные браки в Вильнюсе и Каунасе в 1947—1977 гг.» был основан на материалах загов. Анализируя национально-смешанные браки среди представителей некоренного населения, докладчик пришел к выводу, что малочисленные этнические группы в крупнейших городах республики менее стабильны к ассимиляции, чем литовцы и русские.

И. Мардоса (ИИ) в докладе «Некоторые вопросы отношения жителей современного села к религии» сделал попытку определить место религиозных пережитков в духовной жизни различных слоев и групп сельского населения Литовской ССР.

Ю. Кудирка (Республиканский научно-методический центр культуры) рассмотрел проблемы современного народного искусства (1950—1980 гг.), уделив особое внимание характеристике основных направлений и этапов его развития, его связям с народной традицией и профессиональным творчеством.

В. Мачекус (Вильнюс. гос. ун-т) в докладе «Элементы обычного частного права во взаимоотношениях крестьян окрестностей Рокишкиса в конце XIX—XX в.», основан-

ном на полевых материалах, показал, что в общинной жизни, торговых отношениях, совместной работе сельского населения северо-восточной Литвы еще в первой половине XX в. сохранялись многие элементы обычного права, связанные с частным хозяйством крестьян.

На заключительном пленарном заседании выступили руководители секциями В. Милюс и А. Вишняускайте, отметившие, что секционная работа способствовала оживлению дискуссий и тем самым более плодотворной работе конференции. В заключение В. Моркунас отметил, что прошедшая конференция свидетельствует об активной научно-исследовательской и экспедиционной работе в республике в области этнографии.

Я. Ланяускайте-Моркунене, Й. Мардоса

ЧЕТВЕРТЫЕ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На состоявшихся 14 и 15 апреля 1982 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР Четвертых Маклаевских чтениях получили продолжение и дальнейшее развитие темы, звучавшие на заседаниях прошлых лет. Это биография Н. Н. Миклухо-Маклая, его научные и общественные связи, обстановка, в которой проходила его деятельность, судьба и значение его научного наследия, а также проблемы этнографии народов бассейнов Тихого и Индийского океанов. Помимо ленинградских исследователей, в чтениях участвовали ученые из Москвы и Минска.

В докладе Б. Н. Комиссарова (ЛГУ) был рассмотрен вопрос о том, почему Н. Н. Миклухо-Маклай был вынужден в 1864 г. оставить Петербургский университет. Изучив документы, регламентировавшие в 60-х годах XIX в. жизнь университета, докладчик пришел к выводу, что распространенное в литературе представление об исключении Н. Н. Миклухо-Маклая из университета без права поступать в другие университеты России неверно. Н. Н. Миклухо-Маклай был вольнослушателем, а единственной санкцией против этой категории посетителей лекций было запрещение являться в университет. В Ленинградском государственном историческом архиве Б. Н. Комиссаров нашел документы о том, что 14—15 февраля 1864 г. Н. Н. Миклухо-Маклай принял участие в студенческих волнениях, поводом к которым послужило публичное обвинение вольнослушателем физико-математического факультета Карамышевым студента юридического факультета Новопапенного в том, что он во время студенческого движения 1861 г. был секретным агентом полиции. Воспользовавшись тем, что Миклухо-Маклай вопреки запрету привел на лекцию «постороннее лицо» (одного из своих друзей), администрация университета удалила из его стен будущего выдающегося исследователя.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай и Д. Н. Анучин», рассказав о встречах этих двух ученых в 1870—1886 гг., уделил основное внимание истории изучения и подготовки к печати Д. Н. Анучиним научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в 1895—1923 гг. В докладе прослежена эволюция публикаторской программы Д. Н. Анучина, освещены причины того, почему первый том «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая удалось издать лишь в 1923 г., в год смерти публикатора. По некоторым данным, Д. Н. Анучин в последние годы жизни в основном подготовил к печати и второй том, но судьба этой рукописи пока неизвестна. Поиски затрудняет то обстоятельство, что материалы личного архива Д. Н. Анучина (вопреки его завещанию, предусматривавшему их сосредоточение в Государственном историческом музее) рассеяны по многим архивохранилищам Москвы и Ленинграда. В докладе были широко использованы материалы, обнаруженные Д. Д. Тумаркиным в московских архивах.

Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии, Ленинград), изложив некоторые результаты текстологического анализа сохранившихся рукописей новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая, остановился на актуальных источниковедческих проблемах, связанных с ними. Анализ позволил определить те рукописи, которые безусловно входили в подготовленный ученым первый том сочинений — это обработанные им полевые записи и записные книжки. Тексты представляют собой переписанные под диктовку и затем поправленные автором рукописи, которые, согласно его последней воле, и **должны** были издаваться с минимальными редакторскими поправками. В основу же печатных изданий дневников были положены другие рукописи — копии с первых, изобиловавшие поздней произвольной и необоснованной редакторской правкой. Их можно использо-